

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
Армавирского государственного
педагогического университета*

М.О. МЕНЬШИКОВ И А.П. ЧЕХОВ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ КРИТИКА И ПИСАТЕЛЯ

Личные встречи, переписка с А.П. Чеховым повлияли на публицистику М.О. Меньшикова. Их отношения в 1892-1893 годах удачно охарактеризованы А.С. Мелковой: "...со стороны Меньшикова – восторженное поклонение; со стороны Чехова – внимание и уважение, но шагов к сближению он не делает" [1, с.23].

В 1890-е годы Меньшиков по поручению Гайдебурова постоянно и настойчиво просит Чехова сотрудничать с "Неделей" и давать в неё свои новые рассказы. Журналист посылает в Мелихово газету "Неделя" и журнал "Книжки "Недели"", сообщает Чехову адрес их общего приятеля И.Л. Леонтьева. Помимо этого, критик собирает провинциальные отзывы на произведения Чехова, хлопочет о том, чтобы у его редактора была подписанная автором фотокарточка, а так же пытается содействовать переводу "Палаты №6" на английский язык. Этот рассказ поразил Меньшикова, и он в "Книжках "Недели"" [№1, 1893] печатает статью "Без воли и совести" (в последующих изданиях – "Большая воля") В этом же году в своём журнале он печатает ряд статей, в которых упоминает произведения Чехова или его творчество: "Две правды" (№4); "Литературная хворь" (№6); "Критический декаданс" (№7); "Пределы критики" (№9). Везде критик высоко оценивает талант писателя.

Длившиеся с 1892 по 1904 год переписка и встречи постепенно сблизили М.О. Меньшикова и А.П. Чехова, сделали их отношения более доверительными.

Большую часть содержания переписки составляет обсуждение здоровья самого А.П. Чехова, М.О. Меньшикова, Л.Н.Толстого, Л.И. Веселитской и сына публициста – Яши. При этом Чехов выступил как хороший медик при лечении Яши от простудных заболеваний (письма на протяжении 1890-х годов). В письме от 28 января 1900 года писатель оценивает состояние здоровья Льва Толстого и как верный диагност говорит, что тот "проживёт ещё лет двадцать" [1, с138].

В письмах Меньшикова звучат оценки всему творчеству Чехова и его отдельным произведениям. О "Палате №6" – "удивительный рассказ" (письмо 30.11.1892) [1, с.54]. 15 июля 1895 года Меньшиков благодарит Чехова за книгу "Остров Сахалин" и говорит, что читает её с интересом [2, с.69]. После прочтения "Каштанки" Меньшиков в письме отмечает её "психологическую верность" [1, с.78] и говорит, что прочитал рассказ с "большим удовольствием" [1, с.78] (письмо от 5 апреля 1896 года). Нечто подобное писал о "Каштанке" и сын Меньшикова – Яков. Сразу после выхода в свет рассказа "Мужики" критик отмечает: "Я... ошеломлён этой тяжёлой картиной. Вещь мастерская, одна из самых сильных Ваших вещей..." [1, с.84]. Удивление, восхищение гармонией формы и содержания в произведениях Чехова выражено Меньшиковым в письме в январе 1899 после прочтения рассказа "По делам службы" [1, с.109]. В связи с пушкинским юбилеем, находясь вместе с родными за границей, в Люцерне, Меньшиков ещё более восторженно высказывается относительно величия таланта Чехова. В письме к нему от 30 мая 1899 года есть такие строчки: "...хотели послать Вам приветствие как единственному писателю, которому не стыдно было бы назвать покойного Александра Сергеевича своим собратом" [1, с.121].

В следующем году в письме 1 февраля 1901 года Меньшиков, прочитавший повесть "В овраге", кратко характеризует её: "...Хожу под впечатлением Вашей превосходной работы... <...> Может быть я и соберусь порезонировать "по поводу" этой чудесной вещи – страшно смелой и страшно грустной. Народу русскому - как и интеллигенции, – кажется,

крышка, и трудно отвязаться от ужаса, который Вы раскрыли" [1, с.140]. Последнее предложение в этой цитате выдаёт первоначальное "унылое", пессимистичное осмысление повести, которое сильно расходится с итоговым, высказанным в статье "Три стихии", увидевшей свет несколькими неделями позже.

Оценивая в письме 20 марта 1901 года пьесу "Дядя Ваня", Меньшиков говорит, что это "вещь очень сильная и оригинальная" [1, с.161]. Он благодарит писателя за образ профессора: "... давно пора вывести этот тип" [1, с.161].

Последний отзыв о произведении Чехова в переписке Меньшикова находим в письме 30 ноября 1903 года. Здесь не упоминается название рассказа (А.С. Мелкова считает, что, скорее всего, речь идёт об "Архиерее"), а оценка - "шекспировский по силе" [1, с.168] – звучит как наивысший комплимент.

При осмыслении переписки Меньшикова и Чехова встаёт вопрос о мировоззрении и убеждениях адресатов. Их взгляды явно сближаются, чему особенно способствует общий интерес к Л.Н. Толстому. Например, косвенная оценка творчества Чехова дана Меньшиковым в пересказе содержания своей беседы с Львом Толстым: "Лев отозвался о Вас так, что Вы большой и симпатичный талант, но связанный (как я подсказал ему) скептическим (курсив – М.М.) мировоззрением, и он боится даже надеяться, что Вы освободитесь от этих пут. <...> Чувствуется, что Лев очень любит Вас и следит за Вами, но не без родительской тревоги" (письмо от 20 августа 1896 года) [1, с.83]. В этом же послании выражено не только понимание таланта Чехова Меньшиковым, но и сущность отношения критика к писателю: "Я расхвалил Вас с своей стороны, в той мере, в какой непритворно люблю Вас и уважаю, т.е. в степени, близкой к превосходной" [1, с.83].

В 1897 году 16 апреля Чехов высылает письмо Меньшикову, в котором характеризует толстовское и своё отношение к бессмертию. Чехов высказывает неприятие позиции Толстого в понимании этого вопроса и пишет следующие строки: "Все мы (люди и животные) будем жить в начале (разум, любовь), сущность и цели которого для нас составляют тайну. Мне же это начало представляется в виде бесформенной студенистой массы..." [1, с.85]. Это роевое бессмертие, идеал которого представлен Л.Н. Толстым уже в романе "Война и мир" в изображении последних мгновений земной жизни души Андрея Болконского и в котором, как представляет Чехов, "моё я – моя индивидуальность, моё сознание сольётся с этой массой, – такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его..." [1, с.85]. Думается, здесь традиционное, православное представление об индивидуальности души, существовавшее в сознании Чехова ещё с детских лет, противится толстовскому видению сущности этой проблемы. Отвечая на это письмо, Меньшиков невольно раскрывает своё двоякое понимание мира, в котором соединяются и сотериологические, и эвдемонические начала: "Бессмертие – вещь хорошая, и бывают минуты (довольно часто), когда я искренне верю в него. Но и эта жизнь хороша, и беречь её следует.<...>...не смерть мне противна – после смерти есть надежда, по крайней мере, хоть ничего не чувствовать, противнее смерти болезнь, которая вносит в красоту и богатство жизни нечто безобразное и поганое" [1, с.86]. Ни о каком христианском понимании болезни как необходимого испытания души здесь не может быть и речи.

Меньшиков в это время духовно связан с Толстым. Об этом особенно свидетельствует письмо к Чехову 23 июня 1897 года. В нем критик сочувственно отзывается о тяжелом положении духоборов и восхищается, как и Л.Н. Толстой, их верой "глубоко философской и свободной, удивительной по нравственной красоте" [1, с.92].

В письме от 28 января 1900 года Чехов осмысляет роль Толстого в своей жизни и в литературе: "Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не сделаешь, не так страшно, так как Толстой делает

за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, которые на литературу возлагаются. В-третьих, Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шаршавые <так!> озлобленные самолюбия будут глубоко и далеко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые настроения и течения" [1, с.138].

Но первый тезис о вере в этом же письме Чехова косвенно подвергается сомнению в связи с пониманием итога развития души главного героя романа "Воскресение" Нехлюдова: "Писать, писать, а потом взять и свалить всё на текст из Евангелия – это уж очень побогословски. ...это так же произвольно, как делить арестантов на пять разрядов" [1, с.138]. Чехов не видит логики в концовке произведения: "Надо сначала уверовать в Евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать всё текстами" [2, с.138].

Меньшиков, осмысляя в своём письме (27 февраля 1900 года) написанное Чеховым о Льве Николаевиче, говорит, что его отношение во многом совпадает с чеховским. Великий граф из Ясной Поляны бывает ему необыкновенно дорог, но с верой Толстого критик "не соглашается" [1, с.142]. Он более конкретно, чем Чехов, выражает своё несогласие: ошибка Толстого – стремление "в "Христианском учении" и других вещах ясно выразить, во что он верует" [1, с.142]. Ближе Меньшикову – "невысказанная вера" Льва Толстого, которая ощутима в "народных рассказах ("Два старика" и пр.)" [1, с.142-143]. В Чехове публицист видит преемника Л.Н. Толстого, способного продолжить "великую традицию идеализма в русской литературе" [1, с.143].

Разное отношение проявлено в переписке приятелей к творчеству М. Горького. Для Чехова Горький "очень талантливый человек" (письмо от 20 февраля 1900 года) [1, с.141]. Меньшиков же отмечает, что ему в произведениях Горького нравится "дерзость ... пера", а также "присутствие благородного металла – но в состоянии руды" [1, с.143]. Прогноз развития творчества М. Горького, высказанный Меньшиковым, очень скептичен: "Так с мусором он и будет продолжать, а может быть, совсем замусорится" [1, с.143]. Несколько позже, в послании от 18 апреля 1900 года, характеризуя очерк Горького "Мужик", Меньшиков пишет: "...до жалости слабая вещь. Всего тревожнее в нём то, что он *подделывается* (курсив – М.М.) под "интеллигентные" вкусы и направление, подлаживается им. Талант, значит, недостаточно силён в нём, чтобы своё понимание действительности ставить выше всего" [1, с.148]. В первом письме в рассуждениях о Горьком Меньшиков стремится его увидеть в связи с окружающими событиями и даёт краткую характеристику обстановки, сложившейся вокруг модного в либеральных кругах молодого писателя: "Его страшно подбрасывают в последнее время, но вряд ли он перерастёт №2" [1, с.143]. Чрезвычайно похоже он выразился и в апреле: "за Горького ухватились и муссируют" [1, с.148].

Меньшиков до 1901 года был работником газеты "Неделя" известной своей либеральной направленностью. Да и сам критик в ранних статьях проявляет солидарность с либералами. Но в письмах Чехову заметен постепенный отход от либерализма. Поначалу это ощутимо в некоторых наблюдениях, заставляющих о многом задуматься. Например, в письме 8 ноября 1898 года есть такая фраза: "Третьего дня я был в кружке пошлых и старых либералов, одни из них сидели когда-то в "Предварилке", по тюрьмам, в каторге, теперь же служат по винной монополии и директорствуют кое-где" [1, с.100]. Здесь кратко и ясно показан путь русского либерала. В письме, отправленном Меньшиковым 1 декабря 1898 года, сказано, что после публикации статьи "Охрана семьи" женщин-либералов заставить читать статьи Меньшикова можно только насильно [1, с.103]. Правда явный антилиберализм сочетается в письмах Чехову с типично либеральными фразами самого крайнего антирусского характера: "Правящие сферы... упорно делают "николаевскую эпоху" – нужды нет, что Николая нет, а есть добрый и кроткий, запуганный, мечтательный полковник" [1,с.107]. Тут же, поддерживая отечественных литераторов, собиравшихся праздновать 100-

летие польского поэта Мицкевича, но не получивших на это разрешение, критик пишет: "Случай с Мицкевичем... возмутителен. Отчего бы русским писателям не послать в Варшаву хоть несколько строк приветствия... Я подговариваю некоторых беллетристов на это "воровское дело" и хочу пустить эту мысль даже в Союз писателей..." [1, с.107]. В западнически-либеральном ключе высказывается Меньшиков и о душе народа (20 июня 1901 года): "Очевидно, сама эта душа, глупая, овечья – не заслуживает лучшего" [1, с.165].

С весны 1901 года критик сотрудничает в газете А.С. Суворина "Новое время". Поначалу ему трудно, и в письме от 20 июня 1901 года он отмечает: "Боюсь, что меня скоро выживут из "Нов<го> вр<емени>" – придётся искать другую ночлежку" [1, с.166]. Но он остаётся там работать, несмотря на давнюю неприязнь к ряду журналистов этой газеты, например, к Розанову (В письме от 20 мая 1897 года: "...не писал... из-за нежелания печататься бок о бок с В.Розановым" [1, с.88]). Тем не менее, постоянная работа в суворинской газете с хорошим заработком и та свобода, которую предоставил главный редактор (в письме от 29 апреля 1901 года есть такие слова: "Суворин обеспечивает мне полную свободу, что и как писать. Несмотря на то, что "Новое время" довело меня до малокровия своими нападками (Сигмы, Энгельгарта, Розанова, Гофштеттера, Перцова, Лемана и др.), я склонен попробовать писать " [1, с.162]), оказали решающее воздействие на выбор критика.

Последние письма Меньшикова Чехову свидетельствуют о явном "поправении" критика. 7 декабря 1903 года он напечатал статью "Библейский титул г. Михайловского", в которой называет лево-либерального публициста третьим сыном Ноя (Хамом). Критик видит хамское отношение Михайловского к Родине, которую последний "заплёвывает" в своих статьях. Но такое понимание либерально-западнического творчества Михайловского рождает в душе Меньшикова некоторые сомнения, и поэтому он в письме Чехову от 5 января 1904 года обращается с вопросами и просьбой: "Заметили ли Вы мою полемику с Михайловским? <...> не слишком ли я был резок и несправедлив? Верна ли психологическая формула, даваемая мной радикализму? Если не очень затруднит, напишите два слова" [1, с.169]. Письма с ответом Чехова не сохранились. Но по дошедшему до нас следующему письму Меньшикова видно, что Чехов не был согласен с оценкой критика: "Ваш отзыв о моей полемике с Михайловским меня несколько смутил, и я думаю, что я к этому моему противнику, как и ко всем прочим, отношусь с несравненно меньшею грубостью, чем они ко мне" [1, с.170]. Меньшиков уверенно говорит, что от либерализма его оттолкнуло "неблагодородство тех приёмов, которыми защищали дорогие...начала" [1, с.170]. Нечто подобное о радикализме и либерализме можно найти у В.В. Розанова в "Опавших листьях". "К Николаю Константиновичу (Михайловскому – Н.К.) на зимнего и весеннего Николу... съезжались не только и Петербурга, но и из Москвы литераторы...<...>...и он раздавал свои порицания и похвалы, как возводил в чин и низвергал из чинов. <...> Я прямо остолбенел от удивления, когда, приехав в Петербург, вдруг увидел, что и "Терий Иванович в оппозиции", а его любимчик, имевший 2000 "аренды" (*неотъемлемая* (курсив – В.Р.) по смерти награда ежегодная по распоряжению Государя), выражается весьма и весьма сочувственно о взрывчатых коробочках: тут у меня ум закружился, тут встал дым и пламя в душу" [2, с.289 - 290].

Таким образом, хотя в последних посланиях заметно идейное расхождение авторов, общий тон писем остаётся крайне дружелюбным и доброжелательным, (обращение "дорогой", не заменяется на более холодное "многоуважаемый").

Меньшиков "правеет", что проявляется в отношении к либерализму и его виднейшему представителю Н.К. Михайловскому. Чехов, оставаясь редактором либеральной "Русской мысли" и будучи тесно связанным с кругом либералов, перестаёт понимать и принимать идейную позицию критика. Писатель "вовлечён" либералами в их орбиту, при этом его поздние рассказы и пьесы во многом противостоят либерально-западническому воззрению на жизнь.

Не только Меньшиков испытывал влияние Чехова. Было и обратное. Статьи "Две правды" (1893) и "Литературная хворь" (1893) связаны между собой. В первой критик начинает с мысли глубоко христианской: "Быть талантливым писателем в наше время...должно быть мучительно...<...> Чем выше... дар, тем тяжелее крест" [1, с.277]. Для Меньшикова очевидно мученичество Толстого и Достоевского. Оно же присутствует и у ряда современных критику авторов, в том числе в творчестве А.П. Чехова: "...Чем, как не страданием мысли, объяснить сумрачное раздумье Чехова?.." [1, с.278]. Чехов назван в статье "Гомером расслабленного нынешнего поколения, поколения не героев" [1,с.278], поскольку он воспел "лишних людей", полученных в наследство от Тургенева: "гамлетиков", нытиков, слабаков. В написанной вскоре статье "Литературная хворь", посвященной анализу настроений мистицизма и пессимизма в русском обществе и литературе конца XIX века, критик выражает личное неприятие обличительного жанра в литературе, самым крупным представителем которого является, по его мнению, А.П. Чехов. Своим замечательным дарованием, составляющим гордость России, Чехов, по мнению Меньшикова, пока "просто мучит читателей" [1, с.279], поскольку и малые, и большие его произведения показывают "дряблость" и "дрянность" современного русского интеллигента. Стремясь воздействовать своим словом на писателей-обличителей, в том числе и на Чехова, М.О. Меньшиков призывает отвлечься от изображения гадостей жизни ("вид уродов только уродует" [1, с.280]) и воздействовать силой таланта на читателей положительными образами ("Необходимо, чтобы общество в целом и отдельные люди создавали около себя здоровье, красоту и счастье, а не только кривлялись в декадансе, обличали да отрицали. <...> Только могучим ростом положительного, обильным рождением новых и более здоровых явлений, нежели теперешние, можно постепенно освободиться от душевной гнили и хвори" [1, с.281]).

Думается, что писатель откликнулся на суждения критика. Ряд итоговых произведений А.П. Чехова второй половины 1890-х – начала 1900-х годов несёт в себе положительный, жизнеутверждающий заряд, православно-христианские идеалы, народное понимание жизни. Достаточно вспомнить рассказы "Студент", "В овраге", "На святках", "Архиерей" и др. Об этом изменении взгляда писателя говорили Вл.Ф. Ходасевич ("О Чехове"); М.М. Дунаев ("Православие и русская литература"); И.А. Есаулов ("Категория соборности в русской литературе").

Вчитываясь в послания Чехова и Меньшикова, понимаешь, что встречи и переписка, а также чтение произведений писателя сильно повлияли именно на критика. С М.О. Меньшиковым происходит примерно то же, что и с героем чеховского рассказа "Студент" Иваном Великопольским, духовно преобразившимся после встречи с искренно и просто понимающими Христа русскими крестьянками.

Испытывая чеховское влияние, критик начинает духовно прозревать, постигать подлинное своеобразие русского начала, в нем постепенно формируется тот правый, имперски-державный взгляд на мир и судьбу России в нем, который впоследствии в зрелом творчестве стал "визитной карточкой" публициста.

Библиография:

1. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / Сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А.С. Мелковой. – М., 2005. – 480 с.
2. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний// Розанов В.В. Уединенное. /Сост., вступ. Статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. – М., 1990. – 543с.

Анотація

Н. КРИЖАНІВСЬКИЙ. М.О. МЕНШИКОВ І А.П. ЧЕХОВ: ДО ПИТАННЯ ПРО ВЗАЄМОВПЛИВ КРИТИКА І ПИСЬМЕННИКА

У статті на матеріалі епістолярного спадку М.О. Меншикова і А.П. Чехова досліджується характер їх взаємодії. Вперше подається аналіз нещодавно опублікованого

листування критика і російського письменника. Прослідковуються їх ідеологічні точки зіткнення і розбіжності, які проявляються у тексті. Найбільша увага приділяється питанню впливу художньої спрямованості творчості А.П. Чехова на світогляд Меншикова-критика.

Аннотация

Н. КРИЖАНОВСКИЙ. М.О. МЕНЬШИКОВ И А.П. ЧЕХОВ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ КРИТИКА И ПИСАТЕЛЯ

В статье Н.И. Крижановского на материале эпистолярного наследия М.О. Меншикова и А.П. Чехова прослеживается характер их взаимоотношений. Впервые дается анализ недавно опубликованной переписки критика и русского писателя. Прослеживаются их идеологические точки соприкосновения и расхождения, проявившиеся в письмах. Наибольшее внимание уделяется вопросу влияния художественной направленности творчества А.П. Чехова на мировоззрение Меншикова-критика.

Summary

N. KRIZHANIVSKIY. M.O. MENSNIKOV AND A.P. CHECHOV: TO THE QUESTION OF INFLUENCE OF CRITIC AND WRITER

In the article character of their co-operation is explored on the material of epistolary inheritance of M.O. Menshikov and A.P. Chechov. The analysis of the recently published correspondence of critic and Russian writer is first given. Their ideological points of collision and disagreement which show up in a text are traced. Much attention is spared to the question of influence of artistic orientation of A.P. Chechov's literary works on the world view of Menshikov as a critic.